

ХРИСТИАНСТВО РУСИ ДО ВЛАДИМИРА СВЯТОГО.

При изученіи исторіи появленія и распространенія христіанства на Руси въ древнѣйшее время первый вопросъ, подлежащій нашему вниманію, это-о достовѣрности лѣтописнаго сказанія относительно путешествія апостола Андрея въ предѣлы нынѣшней Россіи. Сказаніе это таково: апостолъ Андрей, пробравшись изъ Синопа въ Херсонесъ Таврической, предпринялъ отсюда путешествіе въ Римъ, избравши для этого путь мимо нынѣшнихъ городовъ—Кіева и Новгорода, благословилъ во время путешествія пустынный тогда Кіевскія горы, предсказавъ будущую славу Кіева, а въ предѣлахъ Новгородскихъ подивился мѣстному обычаю мытья въ баняхъ. Послѣ блестящаго разбора этого сказанія академикомъ Е. Е. Голубинскимъ ¹⁾, врядъ-ли найдется теперь ученый, который сталъ-бы серьезно относиться къ данному сказанію и вѣрить въ его историческую достовѣрность. Позднее время составленія нашего лѣтописнаго сказанія, несоотвѣтствіе его болѣе древнимъ свидѣтельствамъ о мѣстѣ проповѣди апостола Андрея, тенденціозность разсказа, противорѣчіе другимъ даннымъ той же нашей лѣтописи, утверждающей въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской землѣ „не суть апостоли учили“, что „тѣломъ апостоли не суть здѣ были“,—всѣ эти данныя не въ пользу достовѣрности нашего сказанія соединяются съ внутренней несообразностью самого разсказа. Совершенно несообразно путешествіе апостола изъ Херсонеса въ Римъ необычайно далекимъ, кружнымъ путемъ

¹⁾ См. 1 пол. 1 т. „Исторіи Русской Церкви“ Е. Е. Голубинскаго, 1 изд. М. 1880 г., 2 изд. М. 1901 г.—въ послѣд. стр. 19—34.

черезъ всю нынѣшнюю Россію, между тѣмъ какъ прекрасно тогда былъ извѣстенъ другой—кратчайшій и болѣе удобный путь,—путешествіе при томъ черезъ страну, тогда совершенно дикую, мало населенную—и невѣдомыми людьми, и къ тому же это путешествіе не сопровождается, по сказанію, даже и проповѣдью о Христѣ. Введеніе юмористическаго элемента—насмѣшка надъ Новгородскими банями—еще болѣе усугубляетъ наше недовѣріе къ данному преданію.

Однако, рѣшительно отвергнувъ лѣтописное преданіе о путешествіи на Русь—въ древнюю Скиѳію апостола Андрея, первое появленіе христіанства на территоріи нынѣшней Россіи мы должны отнести къ очень раннему времени. Наличность въ ту пору греческихъ колоній въ предѣлахъ нынѣшней южной Россіи уже говоритъ за возможность ранняго появленія христіанства здѣсь. Древнія (болѣе или менѣе) преданія о проповѣди апостола Андрея по берегамъ Чернаго моря, о ссылкѣ въ концѣ перваго вѣка Климента Римскаго въ Херсонесъ Таврической, о мученикахъ изъ Скиѳіи—ученикахъ апостольскихъ—Иннѣ, Риммѣ и Пиннѣ—стоятъ съ соотвѣтствіемъ съ этой возможностью. Церковные писатели III и IV вв.¹⁾ настойчиво говорятъ о христіанствѣ въ Скиѳіи, а христіанское состояніе въ IV столѣтіи Готовъ, жившихъ тогда на территоріи нынѣшней южной Россіи, внѣ всякаго сомнѣнія.

Великое переселеніе народовъ, прошедшихъ черезъ южную Россію, смыло здѣсь христіанство; но когда оно начало нѣсколько улегаться, христіанство снова стало утверждаться на территоріи Руси, направляясь сюда изъ Византіи черезъ Крымъ и Кавказъ, познакомившійся съ христіанствомъ еще въ IV вѣкѣ. Въ VIII—IX вѣкахъ оно существуетъ и въ началѣ X вѣка окончательно утверждается на территоріи юго-восточной Руси у Аланъ²⁾; около того же времени—еще въ VII—VIII вѣкахъ—оно довольно распространяется у

¹⁾ Тертуллианъ, Оригенъ, Аванасій Александрійскій, Іоаннъ Златоустый, Блаженный Іеронимъ.

²⁾ См. въ ст. Ю. Кулаковскаго въ „Византійскомъ Временникѣ“ 1898 г., V кн., затѣмъ въ изслѣд. его же „Аланы по свѣд. классич. и визант. писателей“, Кіевъ, 1899 г., также въ ст. Спицына въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г. январь, и др.

Хозарь и затѣмъ у Волжскихъ Болгарь¹⁾, бывшихъ также ближайшими сосѣдями Руси и жившихъ приблизительно тамъ же, а въ связи съ этимъ уже въ первой половинѣ IX вѣка проникаетъ христіанство и къ Руси.

Житіе св. Стефана Сурожскаго (ум. ок. 790 г.) говоритъ о крещеніи отряда Руси съ княземъ въ Крыму послѣ чуда у мощей святого Стефана „мало лѣтъ“ спустя послѣ его смерти, т. е. въ первой четверти IX в. Житіе другого святого—Георгія Амастридскаго (ум. въ самомъ началѣ IX в.—ок. 806 г.) говоритъ о другомъ фактѣ воздѣйствія христіанской святыни на русскаго вождя съ войскомъ около того же времени, т. е. въ первой половинѣ IX в., на южномъ берегу Чернаго моря²⁾.

Третій фактъ крещенія уже значительной массы Руси относится къ 860 году. Это крещеніе явилось слѣдствіемъ неудачнаго похода Руси на Византію и сопровождалось учрежденіемъ въ странѣ Руссовъ епархіи съ епископомъ, что говоритъ уже о большомъ сравнительно успѣхѣ здѣсь христіанства³⁾.

Уже эти свидѣтельства, говоряція о завоеваніяхъ, произведенныхъ „великой ратью“ Руссовъ въ Крыму, и объ опустошеніи Русью южнаго побережья Чернаго моря въ первой половинѣ IX вѣка, а также о томъ, что въ половинѣ IX вѣка Руссы хорошо уже были извѣстны въ Византіи своею „жестокостью и скверноубійствомъ“ и приняли отсюда около 860 года крещеніе съ епископомъ,—уже эти свидѣтельства ясно говорятъ, что здѣсь нельзя разумѣть той Норманской или Варяжской Руси, которая, по лѣтописи, въ Новгородѣ—на сѣверѣ нынѣшней Россіи,—т. е. въ ближайшемъ сосѣд-

1) См. напр. у П. Голобовскаго въ іюл. кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Ю. Кулаковскаго „Жур. М. Нар. Пр.“ 1883 г. № 2, и др.

2) О томъ и другомъ житіи см. гл. обр. у покойнаго академика В. Г. Васильевскаго въ ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1878 г., февраль и мартъ, 1889 г. май и іюнь, и въ 9 вып. „Лѣтописи занятій Археологической Комиссіи“ 1893 г., а также ст. А. В. Карташева въ „Христіан. чтеніи“ 1908 г., май.

3) Объ этомъ крещеніи говоритъ рядъ греческихъ источниковъ: патріархъ Фотій, Имп. Константинъ Багрянородный, Кедринъ, Зонара и др.; годъ—860—устанавливаетъ недавно сравнительно открытая лѣтописная греческая записка,—о ней см. въ „Византійск. Временникъ“, т. 1 и т. 2.

ствѣ съ Скандинавіей,—появилась лишь въ 862 г., а въ Кіевѣ—уже въ 882 г. Ни въ Кіевѣ, ни тѣмъ болѣе въ Новгородѣ, невозможно допустить въ IX вѣкѣ такое обиліе христіанъ и учрежденіе епископіи, отъ которыхъ вскорѣ не осталось замѣтнаго слѣда; невозможно съ другой стороны принять и такую близость Нормановъ къ Черному морю и ихъ постоянные походы сюда въ IX вѣкѣ. Не подходят также совсѣмъ къ Норманамъ эпитеты, какими надѣляетъ данную Русь патриархъ Фотій въ своихъ словахъ по поводу упомянутаго набѣга Руси на Царьградъ въ 860 г. Вотъ какъ онъ характеризуетъ ихъ: „ратъ безъ устроенія ратнаго, изъ рабовъ набранная“, „народъ, ничѣмъ себя не заявившій, народъ непочетный“, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но войною съ нами стяжавшій имя себѣ“ и т. п. И эпитеты эти не подходят къ Норманамъ, а съ другой стороны невозможно допустить, чтобы Норманская Русь, если таковая существовала на югѣ нынѣшней русской территоріи, къ 860 г. успѣла уже утратить черты своего норманизма и ославяниться; о настоящихъ же Норманнахъ, ихъ походахъ и предприимчивости не могъ не знать Фотій, едва-ли не образованнѣйшій человѣкъ своего времени.

Необходимо тутъ признать особую Русь—мѣстную, Черноморскую, Волжско-Донскую. О ней къ тому-же настойчиво говорятъ восточные магометанскіе писатели IX—X в.в., въ пользу бытія ея свидѣтельствуется непонятное иначе, необъяснимо странное существованіе русскаго Тмутараканскаго княжества въ концѣ X—началѣ XI вѣка, затерявшагося почему-то въ отдаленномъ приморскомъ углу, отдѣленномъ отъ остальной Руси огромнымъ пространствомъ степей, занятыхъ кочевниками, и вдругъ неожиданно появляющагося на страницахъ нашей лѣтописи въ указанную эпоху.

Молчаніе лѣтописи въ данномъ случаѣ восполняютъ археологическія данныя, свидѣтельствующія, что эта оторванность Тмутаракани отъ остальной Руси—фактъ сравнительно позднѣйшій, что нѣкогда Тмутаракань была связана съ остальной Русью цѣпью славянскихъ поселеній въ Подоньѣ и со-сѣднемъ Приволжьѣ, смытыхъ затѣмъ кочевниками ¹⁾. Не-

¹⁾ См. данныя напр. въ кн. проф. В. Г. Ляскоронскаго „Исторія Переяславской земли“, цит. по 2 изд., Кіевъ, 1903 г., стр. 93 и слѣд., также въ ст. А. Спицына въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г., январ. кн., у М.

даромъ арабскіе писатели называютъ Донъ и Волгу русскими рѣками, Азовское и Черное море русскими морями ¹⁾.

Кто-же эти русскіе, что такое вообще изначальная Русь? Этотъ вопросъ, имѣющій вѣковую исторію и доселѣ неразрѣшенный удовлетворительно, все еще разрѣшается каждымъ изслѣдователемъ по своему разумѣнію. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, что Русь это Норманы ²⁾. Утвержденіе, напримѣръ, академика А. А. Шахматова ³⁾, будто появившіеся въ VIII—IX вѣкахъ среди Приднѣпровскихъ Славянъ полчища Скандинавовъ покорили себѣ здѣшнихъ Славянъ и прочно утвердились на югѣ Руси,—это утвержденіе находится въ несомнѣнномъ противорѣчій съ подмѣченнымъ самимъ-же Шахматовымъ враждебнымъ отношеніемъ русскаго юга къ выходцамъ изъ Скандинавіи, т. е., какъ будто, къ своимъ же родичамъ ⁴⁾. Это явное недружелюбіе южной Руси къ идущимъ съ сѣвера Норманамъ естественнѣе отнести къ враждебности національной,—тѣмъ болѣе, что въ Скандинавіи доселѣ не было найдено никакой Руси. Затѣмъ, невозможно допустить, чтобы уже въ началѣ IX столѣтія далекіе Скандинавы такъ прочно и въ очень большомъ числѣ осѣли на столь удаленномъ отъ нихъ югѣ, заняли побережье Чернаго и Азовскаго моря, стали тутъ господствовать,—между тѣмъ, какъ здѣсь въ это время имѣлись, кромѣ Славянъ, сильныя и крѣпкія народности, какъ Хозары, Аланы, частію Болгары,—которые всегда могли бы дать хорошій отпоръ горсти Нормановъ. Странно, что ничего объ этомъ переселеніи не запомнили Скандинавскія

Грушевскаго—„Кіевская Русь“, т. I, СПБ., 1911 г., стр. 232—233 и др., у П. В. Голубовскаго въ его изсл. „Печенѣги, торки и половцы“, Кіевъ, 1883 годъ, у Д. И. Багалѣя „Истор. Сѣверск. земли“, Кіевъ, 1882 г., и др.

¹⁾ См. у А. Я. Гаркави „Сказанія мусульм. писателей о славянахъ и русскихъ“, СПБ., 1870 г., стр. 130 и слѣд., также 154 и др.

²⁾ Изъ противниковъ Норманской теоріи солиднѣе другихъ—въ прежнее время Гедеоновъ, см. его „Варяги-Русь“, СПБ., 1870 г., изъ позднѣйшихъ—Д. И. Багалѣй, см. напр. его „Русскую исторію“, ч. I, Харьковъ, 1910 г.

³⁾ На доводахъ академика Шахматова мы останавливаемся особенно подробно въ виду особой научной цѣнности работъ этого современнаго ученаго.

⁴⁾ См. въ его „Разысканіяхъ о древн. русскихъ лѣтописн. сводахъ“, СПБ., 1908 г., стр. 325 и сл.

саги, между тѣмъ какъ мы видимъ не прекращающееся частичное движеніе скандинавовъ на югъ въ послѣдующее время, и, стало быть, невозможно допустить мысли о полномъ разграниченіи и особенности старыхъ скандинавскихъ выходцевъ отъ новыхъ. Археологическія раскопки, производимыя въ Скандинавіи, даютъ къ тому-же интересную подробность: оказывается, что въ IX и первой половинѣ X вѣка,—до разгрома, очевидно, Хозарскаго царства около 968 года,—Скандинавская торговля направлялась по преимуществу не въ Византію, а на востокъ чрезъ посредство русскихъ водныхъ путей, чрезъ Волгу и Донъ. Такъ, напримеръ, въ археологическихъ находкахъ важнѣйшаго торговаго скандинавскаго центра IX—X вв.—Бирки монеты восточнаго арабскаго міра рѣшительно преобладаютъ за это время, между тѣмъ какъ византійскія почти совершенно отсутствуютъ ¹⁾. Видно, что знаменитый „путь изъ Варягъ въ Греки“ въ это время еще не вошелъ во весь свой полный оборотъ, а въ X в. лишь едва начиналъ открываться для широкой торговли далекой Скандинавіи съ Византіей. Конечно, это было бы невозможно, если бы скандинавскіе викинги прошли этимъ или хотя бы даже и Волжскимъ путемъ еще въ VIII—IX вѣкахъ, прочно засѣли на русскомъ югѣ—близъ Чернаго моря и отсюда въ это время производили постоянные набѣги на Византію. Въ половинѣ X вѣка Норманы, очевидно, еще лишь узнавали этотъ пресловутый путь „изъ Варягъ въ Греки“, который таковымъ сталъ быть, конечно, лишь въ X вѣкѣ—во вторую его половину, когда съ паденіемъ Хозарскаго царства ослабѣла торговля Руси и Скандинавіи съ Востокомъ и пало господствующее посредство въ ней Хозарь ²⁾.

¹⁾ См., напр. ст. К. Э. Тиандера „Городъ Бирка“ въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1910 г. іюнь.

²⁾ Проф. Szelagowski въ своей работѣ „Najstarsze drogi na Wschód w okresie byzantynsko-arabskim“, Lwów, 1909 г. находитъ, что Волга была древнѣйшимъ путемъ Руси съ сѣвера на югъ и уступила свое мѣсто Днѣпру лишь во 2 половинѣ X в.—XI в.; проф. М. Грушевскій склоняется къ мысли, что волжскій путь былъ знакомъ балтійскимъ купцамъ раньше и лучше днѣпровскаго см. т. I его „Исторіи України Руси“, 2 изд., Львовъ, 1904 г., стр. 254—5, также въ его „Кіевск. Руси“, т. I СПб., 1911 г.; Т. Арне, шведскій ученый, въ рефератѣ, читанномъ на Новгородскомъ Археологическомъ Съездѣ въ іюль 1911 г., на основаніи археологическихъ находокъ Скандинавіи также утверждалъ, что

А если такъ, то, значить, не Норманы основали Кіевское княжество, существовавшее на Днѣпрѣ во всякомъ случаѣ еще во второй половинѣ IX вѣка, если не раньше. Любопытно и то обстоятельство, что имя „Русь“ упрочилось на югѣ—по преимуществу у Полянъ, а также у Черноморскихъ Руссовъ¹⁾, но долгое время оно совершенно не примѣняется у Новгородскихъ славянъ, которые несомнѣнно больше всѣхъ испытали на себѣ, уже въ силу самой географической своей близости, вліяніе Нормановъ. При всемъ томъ и лѣтописецъ нашъ выдѣляетъ землю Новгородскую, какъ исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно варяжско-норманскую, когда говоритъ о Новгородцахъ именно: „И отъ тѣхъ Варягъ... суть Новгородстїи людіе до днешняго дне отъ рода Варяжьска, „Новъгородьстїи суть людіе отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни“. Лѣтопись знаетъ о норманизациі лишь Новгородцевъ и въ этомъ отношеніи она рѣшительно выдѣляетъ ихъ изъ ряда другихъ славянскихъ племенъ; имя-же Русь отнюдь не связано тутъ съ норманизацией, напротивъ оно относится лѣтописцемъ прежде всего къ землѣ Полянъ, о норманизациі которыхъ лѣтописецъ не говоритъ. Характерно, что скандинавскія саги также зовутъ Русью Кіевскую землю, а Новгородскую—Гардарикіей, и сохранили память почти исключительно о мѣстностяхъ послѣдней²⁾, съ которой только, очевидно, Скандинавы чувствовали и знали близкую связь.

Мы полагаемъ, что древняя, въ основѣ своей славянская, Русь имѣла въ IX—X вѣкахъ три главныхъ центра: Кіевъ, Тмутаракань и Новгородъ. Кромѣ ряда историческихъ фактовъ, съ которыми придется еще встрѣтиться, въ пользу принятія этой мысли говоритъ настойчивое утвержденіе такого рода цѣлаго ряда арабскихъ писателей. Они именно болѣе или менѣе согласно указываютъ, что Руссы дѣлятся

для Швеціи въ IX—X вв. „всею важнѣе были Волжскій путь (предпочтительно предъ Днѣпровскимъ) и торговля съ болгарами, хозарами и арабами“ (См. „Изв. Арх. Съѣзда“, М. 1911 г., 78 стр.).

¹⁾ Что признаетъ, конечно, и Шахматовъ, см. 328, 340 стр. упом. труда его.

²⁾ См. напр. свидѣтел. въ ст. Д. Щеглова въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1876 г. іюнь, въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Др.“ 1891 г., кн. I—см. чтен. проф. Томсена и др.

на три племена: одно—поближе къ Болгарамъ (разумѣется Дунайскимъ), царь его живетъ въ городѣ „Куява“ или „Куябахъ“; другое—„самое далекое“—называется „Славія“ или „Селавіяхъ“, третье—„Артанія“ или „Артаніяхъ“—живетъ въ „лѣсахъ и камышахъ на окружающемъ морѣ“, имѣетъ столицу „Арта“ или „Арба“, которая „находится между Хозаромъ и великимъ Булгаромъ“ и вообще недалеко отъ „Рума“ (Византійскаго государства); это племя ведетъ торговлю съ Византіей, Хозарами и Болгарами ¹⁾. Принято и норманистами подъ первымъ племенемъ разумѣть Русь Кіевскую, подъ вторымъ—Новгородскихъ Славянъ, о третьемъ же племеніи существуютъ разнорѣчія ²⁾.

Незачѣмъ, думается, искать это племя среди чуждыхъ финскихъ племенъ ³⁾, еще непонятнѣе попытка приложить упомянутыя свойства страны третьяго племени Русь къ далекой Скандинавіи ⁴⁾: арабы тутъ ясно (поскольку вообще можно говорить о ясности ихъ показаній) говорятъ о Руси Черноморско-Азовской или Тмутараканской. Только о послѣдней въ данномъ случаѣ можно было сказать, что она живетъ недалеко отъ предѣловъ Византійской имперіи, что сосѣдитъ она съ Хозарами и Болгарами (именно Черными или Прикавказскими); она же и при морѣ обитаетъ, и торговлю ведетъ съ Византіей, Хозарами и Болгарами по преимуществу. Къ этой Руси (или же развѣ къ Кіевской еще) скорѣе всего можно отнести и названіе правителя Руси титуломъ „хаканъ“, позаимствованнымъ, конечно, отъ сосѣдей и одно время властителей Руси—Хозарь. Эта Русь имѣла здѣсь, очевидно, исконное, давнее и прочное поселеніе; трудно допустить тутъ какихъ-то случайныхъ, горсточкой поселившихся, выходцевъ Скандинавіи, объ усиленіи которыхъ здѣсь можно было-бы сказать, что они, „пора-

¹⁾ См. въ упом. работѣ Гаркави, стр. 193, 197 и сл., 276—7; въ уп. ст. Томсена, у Ф. Вестберга въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г. февр. и др.

²⁾ Ibidem—у Томсена, Вестберга, Гаркави и др.

³⁾ Какъ это, вслѣдъ за Френомъ, дѣлаютъ—Гаркави (стр. 200—201 упом. работы), Д. Щегловъ въ обширн. ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1876 г., апр., май, іюнь—и др.

⁴⁾ Что особенно старательно въ недавнее время пытается обосновать Ф. Ф. Вестбергъ—„Ж. М. Н. Пр.“ 1908 г., февр. и мартъ, собств. февраль.

ботивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Римской державы“¹⁾.

Около 860 года, времени похода Руси на Константинополь, сопровождавшагося крещеніемъ ея, произошло и другое событіе, сыгравшее важную роль въ христіанизации Руси,—это миссіонерская дѣятельность свв. Кирилла и Меѳодія среди Славянъ. Чрезвычайно важно было для христіанскаго просвѣщенія Руси пользование Кирилло-Меѳодіевскимъ славянскимъ переводомъ богослужебныхъ книгъ. Но тутъ есть и еще одно обстоятельство: около 856—861 гг. Константинъ—Кириллъ былъ въ предѣлахъ южной Руси, при чемъ имѣлъ общеніе съ южноруссами,—конечно, Тмутараканскими. Именно—житіе Кириллово повѣствуетъ, что онъ шелъ, между прочимъ, дорогою „Козарскою на меотское озеро и капискаа врата къявканскіихъ горъ“,—слѣдовательно, не могъ въ такомъ случаѣ миновать Тмутараканскихъ Руссовъ. Вполнѣ при этомъ естественно, что во время этого путешествія онъ „обрѣтъ евангеліе и псалтырь русскими письмены писано и человекъ обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою и бесѣдова съ нимъ“,—будучи самъ солуняниномъ, „добрѣ словенски бесѣдующимъ“. Это, можно думать, была находка Кирилломъ перваго, мало еще удачнаго, опыта передачи на языкъ южной Руси евангелія и псалтири (именно этихъ наиболѣе необходимыхъ для новоначальныхъ христіанъ книгъ),—находка не удивительная, если мы знаемъ, что Руссы уже за нѣсколько десятилѣтій предъ симъ принимали крещеніе (о чемъ говорятъ житія свв. Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго). Догадка о готскомъ въ данномъ случаѣ переводѣ Св. Писанія, принадлежащая Голубинскому, трудно допустима, потому-что, во-первыхъ, готскій переводъ вовсе не былъ такой находкой, которую нужно было въ это время искать на сѣверномъ берегу Чернаго моря (онъ извѣстенъ съ IV вѣка); нѣсколько неожиданной, во-вторыхъ, является въ такомъ случаѣ бесѣда св. Кирилла съ русиномъ „тою бесѣдою“, какою написаны книги; да и, въ-третьихъ, совершенно непонятно устанавливаемое житіемъ отношеніе находки готскаго писанія къ дѣлу славянской проповѣди и славянскаго перевода св. Кирилла.

¹⁾ Слова окружного посланія п—ха Фотія о Руссахъ,—цит. по Голубинскому, стр. 51, уп. изд. 1 пол. I т.

Послѣ массоваго крещенія около 860 года южная Русь, вошедшая теперь въ дружественныя отношенія и религіозныя связи съ Византіей, свои военные походы устремляетъ въ другую сторону—на Востокъ. Есть извѣстіе о походѣ Руси на Табористанъ—въ Прикаспійскомъ краѣ—въ 60—80 г.г. IX столѣтія. Походы повторяются и послѣ. Такъ, извѣстны походы 909 и 913—914 г.г. Послѣдній походъ былъ роковымъ для Черноморской Руси—она понесла тяжелое поражение и истребленіе всего войска отъ Хозарскихъ и Болгарскихъ племенъ¹⁾. Послѣ этого Черноморская Русь падаетъ, ея уже больше не слышно на Черномъ и Каспійскомъ морѣ и она вступаетъ въ зависимость отъ Кіева, существовавшую уже при Игорѣ и закрѣпленную при Святославѣ.

Быть можетъ, эта именно—южная, приморская Русь,—хорошо извѣстная на Черномъ морѣ уже въ началѣ IX вѣка и въ IX вѣкѣ уже достаточно христіанизовавшаяся,—направивши свою колонизацію на сѣверо-западъ, основала еще въ VIII или началѣ IX вѣка тотъ городокъ на Днѣпрѣ, который скоро сталъ знаменитымъ Кіевомъ, оказавшимся въ узлѣ торговыхъ путей, и изъ крайняго форпоста юго-восточной Руси скоро сдѣлался центромъ всей Руси. Можно допустить такую возможность; но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что мало намъ вѣдомая юго-восточная Русь стояла въ близкихъ связяхъ съ Поднѣпровьемъ²⁾. Естественно тутъ допустить, что христіанизация Тмутараканской Руси, начавшаяся съ самаго начала IX вѣка и упрочившаяся около 860 г., стала, хотя и весьма медленно, передаваться и Кіеву.

1) Что тутъ, въ этихъ походахъ Руси, о которыхъ говорятъ мусульманскіе источники, мыслима лишь Черноморско-Азовская Русь, на это указываетъ описанное ими передвиженіе войскъ Руси въ 913—914 гг.: съ устья Дона по Дону на Волгу и оттуда на Каспійское море,—между тѣмъ какъ Русь Кіевская, именно Святославова, въ 968 г. на Волгу пробиралась совсѣмъ другимъ путемъ—черезъ Десну и Оку; болѣе сѣверные Славяне избрали-бы еще болѣе сѣверный путь. См. у Гаркави „Сказ. мусул. писат.“, стр. 41, 69, 78—79, 130—133 и др., см. также въ „Кіевской Старинѣ“ 1888 г., июль, ст. Голубовскаго—и др.

2) См. напр. въ уп. работъ проф. Ляскоронскаго „Исторія Переяславской земли“, стр. 93—94 и др., въ ст. А. А. Спицына въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 годъ, январь, у Грушевскаго въ уп. I т. „Кіев. Руси“, 374 стр.—и др.

Тутъ намъ нужно остановится на вопросѣ о Кіевскихъ князьяхъ Аскольдѣ и Дирѣ и преданіи объ ихъ христіанствѣ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы къ Аскольду и Диру именно относить нападеніе Руссовъ на Византію, бывшее около 860 г.; но съ другой стороны теперь уже совершенно падаютъ возраженія Е. Е. Голубинскаго противъ крещенія Аскольда и Дира, возраженія, основанныя на излишнемъ довѣрїи почтеннаго историка къ лѣтописной хронологіи и лѣтописному сказанію о норманскомъ происхожденіи Аскольда и Дира, какъ мужей Рюриковыхъ. Никоновская лѣтопись и извѣстія польскаго историка XV вѣка Длугоша, пользовавшагося древними русскими источниками, дали толчекъ попыткѣ считать Аскольда и Дира не Рюриковыми мужами, а туземными, исконными Кіевскими князьями: ¹⁾; съ другой стороны въ наукѣ настойчиво проводится мысль о необычности для древней Руси совмѣстнаго пребыванія въ Кіевѣ двухъ князей, похороненныхъ къ тому же, по лѣтописи, въ разныхъ, отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ, несмотря на одновременную якобы ихъ смерть ²⁾. Нужно допустить, что Аскольдъ и Диръ, исконные мѣстные князья, княжили здѣсь послѣдовательно одинъ за другимъ,—именно можно думать, что Диръ жилъ раньше, а затѣмъ уже Аскольдъ ³⁾, котораго, какъ болѣе поздняго, лучше запомнило народное преданіе и лѣтопись, особенно Никоновская, неоднократно припоминающая факты изъ жизни Аскольда, а о Дирѣ умалчивающая.

Точно также лѣтопись и народное преданіе хорошо, видимо, запомнили христіанское состояніе Аскольда. Лѣтопись говоритъ, что на могилѣ Аскольдовой,—по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ его смерти,—поставлена была церковь св. Николая. Трудно допустить, чтобы это поставленіе церкви на Аскольдовой могилѣ было дѣломъ случайнымъ. Народъ хорошо запомнилъ мѣсто погребенія Аскольда, должно быть, потому именно, что онъ

¹⁾ См. въ упом. трудѣ Шахматова стр. 322—3, 349 и др., срав. также у Н. И. Костомарова—въ ст. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1873 г., фев. кн., у Грушевскаго и др.

²⁾ См. въ упом. трудѣ Шахматова ст. 319—320, у М. С. Грушевскаго въ I т. „Исторіи України—Руси“, Льв., 1904 г., стр. 363—4 и др.

³⁾ Грушевскій помѣщаетъ, напротивъ, Диру послѣ Аскольда, но не приводитъ вѣсскихъ основаній въ пользу своей догадки.

своимъ христіанскимъ состояніемъ выдѣлялся изъ всѣхъ древнихъ князей, и по этой то, конечно, причинѣ возникла на его могилѣ церковь. Врядъ-ли случайно упоминаніе лѣтописи о построеніи на Аскольдовой могилѣ церкви, врядъ ли совершенно неосновательно народное преданіе, весьма упорное, чтущее Аскольдову могилу, и совершенно невозможно допустить, чтобы лицо, поставившее Никольскую церковь на Аскольдовой могилѣ,—будь то княгиня Ольга, или нѣкій Ольма, или кто другой,¹⁾—чтобы это лицо поступило въ данномъ случаѣ безъ всякаго умысла и, несомнѣнно, живя въ X или въ крайнемъ случаѣ въ началѣ XI вѣка, не считалось тутъ совершенно съ распространеннымъ народнымъ преданіемъ²⁾. Подобный фактъ поставленія церкви на могилѣ при томъ мы знаемъ лишь объ одномъ Аскольдѣ, о подлинныхъ языческихъ князьяхъ лѣтопись не сообщаетъ ничего подобнаго и не напрасно-же именно Аскольдова могила привлекла къ себѣ особое вниманіе народа.

Такимъ образомъ несомнѣнно раннее преданіе считало Аскольда христіаниномъ. Что лѣтопись не отмѣтила даннаго факта болѣе рельефно, отвѣтъ на это мы можемъ найти у академика А. А. Шахматова,³⁾ при изученіи лѣтописи пришедшаго къ такому выводу: „Составитель Начальнаго свода систематически проводитъ двѣ идеи: идею объ единствѣ княжескаго рода и идею о появленіи княжеской власти только со времени Рюрика, главы современной ему княжеской династии; до тѣхъ поръ племена управлялись своими, родовыми

1) Чаше встрѣчаемое имя—не „Ольга“, а „Ольма“ или „Олма“, во-первыхъ, не обозначаетъ собою непременно имя строителя церкви, такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр. Лаврентьевскомъ) не говорится, что Ольма именно построилъ церковь, а, во-вторыхъ, самое имя это можетъ принадлежать, вопреки Шахматову, не сводчику конца XI вѣка, а скорѣе указываетъ на болѣе глубокую древность, тѣсно связанную съ самимъ преданіемъ о мѣстѣ погребенія, и, само по себѣ не опредѣляя точно времени построенія церкви, не умаляетъ значенія и древности самого преданія.

2) Врядъ-ли Никольская церковь возникла во дворѣ Ольмы, а не вблизи лишь его, и врядъ ли преданіе объ Аскольдовой могилѣ, извѣстное лѣтописцу, утаено было отъ раньше его жившаго строителя церкви.

3) Хотя онъ и не пользуется этимъ объясненіемъ для данной цѣли и отрицаетъ христіанское состояніе Аскольда—въ упомянут. трудѣ стран. 328.

старѣйшими; встрѣчающіеся до того князя—самозванные, ибо они не роду князя, ибо они происходят не отъ Рюрика“¹⁾). Отъ настойчиваго проведенія этихъ идей немало или испорчено, или совсѣмъ выпало изъ лѣтописи: отъ нихъ пострадалъ и Аскольдъ, остатки старыхъ сказаній о которомъ можно находить—въ отрывочномъ видѣ—въ Никоновской лѣтописи,—пострадала историческая правда и о нѣкоторыхъ болѣе позднихъ событіяхъ и лицахъ²⁾). Поэтому всякій, повидимому, случайный намекъ лѣтописи есть драгоценный остатокъ болѣе подробнаго сказанія, утраченнаго, —цѣнность его невозможно отрицать и въ извѣстїи объ Аскольдѣ и церкви на его могилѣ.

Появленіе христіанскаго князя въ Кіевѣ въ концѣ IX вѣка—фактъ при томъ легко объяснимый и понятный: очевидно, Аскольдъ стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Тмутараканско-Черноморскою Русью, гдѣ христіанство было уже довольно прочно въ это время; можно допустить и болѣе того—быть можетъ, онъ самъ попалъ на кіевскій столъ изъ Тмутаракани.

Однако христіанскій князь въ Кіевѣ въ концѣ IX или началѣ X вѣка долженъ былъ чувствовать себя здѣсь очень не прочно; несомнѣнно, что Кіевъ въ ту пору былъ еще городомъ вполнѣ языческимъ, и Кіевляне по своему культурному состоянію мало были способны воспринимать христіанскую проповѣдь; объ этомъ, между прочимъ, говоритъ крѣпкая стойкость Кіевлянъ въ язычествѣ и полвѣка спустя—при Ольгѣ и Святославѣ и тугое воспріятіе христіанства въ качественномъ отношеніи при св. Владимірѣ и позже. Христіанство еще превышало разумѣніе Кіевскихъ дружинниковъ, вполнѣ довольствовавшихся старой, первобытной религіей.

Надо думать, въ связи именно съ враждебностью Кіевлянъ къ христіанскому князю, представителю и покровителю чужеземной, непонятной религіи, стояла извѣстная

¹⁾ См. въ упом. трудѣ его стр. 321 и др., а также ст. проф. С. А. Корфа въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1909 г., июль.

²⁾ См. цѣлый рядъ соображеній, направленныхъ противъ принятія лѣтописныхъ разсказовъ о первыхъ русскихъ князьяхъ въ ихъ полномъ видѣ въ I т. уп. „Исторіи України—Руси“ проф. Грушевскаго стр. 361 и слѣд., а также у Н. И. Костомарова въ упомянутой выше работѣ.

Кіевская катастрофа, рассказанная въ лѣтописи, какъ фактъ убійства Аскольда и Дира Олегомъ,—иначе она трудно объяснима. Для выясненія ея прежде всего нужно остановиться на личности князя Олега, который по справедливому утверженію Н. П. Костомарова, „является въ нашей первоначальной лѣтописи вполнѣ личностію преданія, а не исторіи“¹⁾. Трудно возсоздать изъ этой легендарной личности лицо историческое.

Не говоря о многихъ легендарныхъ чертахъ въ лѣтописномъ Олегѣ, мы встрѣчаемъ и значительную несуразность—особенно въ его отношеніяхъ къ Игорю: то онъ воевода, то родственникъ Игоря, и при томъ въ теченіи цѣлыхъ 33 лѣтъ опекунъ Игоря, постепенно сдѣлавшагося къ концу правленія Олегова солиднымъ уже мужемъ, давно не нуждающимся въ Олегѣ²⁾; при томъ имѣется лѣтописный рассказъ новгородскаго происхожденія объ уходѣ Олега къ концу жизни на сѣверъ—въ Ладогу или даже за море—въ Скандинавію и его смерти тамъ,—рассказъ, которому, между прочимъ, придаетъ большое значеніе и приписываетъ несомнѣнную древность академикъ А. А. Шахматовъ³⁾. Рядомъ съ этимъ нужно поставить сказанія Галичской лѣтописи и Длугоша о томъ, что Игорь, а не Олегъ, убиваетъ Аскольда и Дира и утверждается на ихъ мѣстѣ въ Кіевѣ. Не есть-ли Олегъ просто миѣ, совершенно чуждый нашей исторіи? Но упорное упоминаніе о немъ лѣтописи, преданія о немъ, наконецъ, договоръ его съ Греками побуждаютъ допустить въ основѣ легендъ историческое существованіе этой личности, но при этомъ, конечно, надлежитъ значительно отступить отъ обычнаго лѣтописнаго рассказа о немъ.

Мы допускаемъ такую возможность.

Въ то время, когда въ Кіевской Руси княжилъ Аскольдъ, т. е. около конца IX—начала X вѣка, Новгородскіе Славяне были подъ властію варяжско-норманскихъ князей, одинъ изъ которыхъ,—возможно допустить, согласно съ лѣтописью, что именно второй,—былъ Олегъ. Этотъ предприимчивый, воинственный Олегъ имѣлъ столкновеніе съ Кіевской Русью.

¹⁾ См. въ феврал. книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1873 г.

²⁾ См. соображенія Грушевскаго въ уп. 1 т. „Ист. України—Руси“ стр. 361—362.

³⁾ См. въ уп. его „Разысканія“ стр. 333—4 и приложеніе.

Поводомъ къ столкновенію могло послужить событіе, преданіе о которомъ изъ древняго источника сохранилось въ Никоновской лѣтописи: возстаніе Новгородцевъ во главѣ съ Вадимомъ Храбрымъ противъ „Варяговъ“, которые побѣдили возставшихъ, въ результатъ чего „избѣжаша изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей“. Это бѣгство Новгородцевъ въ Кіевъ и было, вѣроятно, прологомъ того вмѣшательства Олега Норманско-Новгородскаго въ Кіевскія дѣла, которое закончилось убійствомъ Аскольда и смѣной князя въ Кіевѣ. Вмѣсто невѣроятнаго лѣтописнаго разсказа о чрезвычайно простомъ и легкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданнымъ завладѣніи Кіевомъ со стороны Олега и Игоря,—событіе это нужно, вѣроятно, представлять такимъ образомъ: Олегъ былъ лишь союзникомъ Кіевлянъ—язычниковъ, возставшихъ противъ своего христіанскаго князя Аскольда, вѣроятно, стоявшаго въ связи съ Тмутараканью; Игорь былъ лицомъ княжескаго или знатнаго происхожденія, быть можетъ, родственникомъ Аскольда, во имя котораго поднято было возстаніе противъ послѣдняго. При поддержкѣ Олега, стоявшаго со своимъ войскомъ подъ Кіевомъ, Аскольда убили „свои Игоревы“¹⁾—сами Кіевляне, конечно, въ массѣ недовольные своимъ княземъ—христіаниномъ. Отголосокъ этого замѣтенъ въ Іоакимовской лѣтописи, по которой Олегъ „слыша отъ Кіевлянъ жалобы на Аскольда“.

Если дѣло обстояло такъ, то Игорь, значитъ, сдѣлался родоначальникомъ той династїи, которая затѣмъ княжила въ Кіевѣ. Въ пользу такого предположенія говорятъ свидѣтельства писателей XI вѣка—митрополита Иларїона и Іакова Мниха²⁾, упоминающихъ въ своихъ произведеніяхъ о „старомъ Игорѣ“ и Святославѣ, какъ предкахъ Св. Владиміра,

¹⁾ Какъ гласить, можетъ быть, не случайно—подлинникъ Тверской лѣтописи. Гибель и неудача Аскольда, быть можетъ, стояла въ связи въ разгромомъ какъ разъ около этого времени Тмутараканскаго княжества, послѣ упоминавшагося похода 913—914 г.г.,—которое, будучи хорошо знакомо съ христіанствомъ, вѣроятно, было въ союзѣ съ христіаниномъ—Аскольдомъ, по всей вѣроятности, опиравшимся на христіанскую Тмутаракань.

²⁾ Іакова Мниха считаютъ писателемъ XI вѣка большинство изслѣдователей,—между ними А. А. Шахматовъ, Е. Е. Голубинскій и др.; впрочемъ, А. И. Соболевскій время его жизни отодвигаетъ къ концу XII—началу XIII вѣка.

но ни словомъ не обмолвившихся о Рюрикѣ или Олегѣ. Видно, „старый“ Игорь въ представленіи Кіевлянъ XI вѣка былъ родоначальникомъ тогдашней Кіевской династіи, и въ связи съ чисто-кіевскими традиціями Владиміръ, какъ преемникъ исконной Кіевской династіи и членъ ея, называется Иларіономъ „каганомъ“. На варяжскихъ Нормановъ и варяжскія традиціи ни слова не намекаютъ писатели XI вѣка, не смотря на то, что современникъ ихъ—Ярославъ Мудрый сдѣлалъ въ Новгородѣ и тамъ вступалъ въ близкія сношенія и союзъ съ Скандинавами. Имя Рюрика, неизвѣстное въ Кіевѣ,—очевидно, потому, что здѣшніе князья не были Рюриковичами,—между тѣмъ сохранилось довольно прочно въ новгородской памяти и оставило свои слѣды въ Новгородско-Ладожской топографіи.

Заклучивши союзъ съ новымъ Кіевскимъ княземъ—язычникомъ Игоремъ, Олегъ въ союзѣ съ его дружинниками совершилъ походъ на Византію, а затѣмъ возвратился къ себѣ на сѣверъ—въ Новгородъ или Ладогу, а, можетъ быть, и въ Скандинавію: „Иде Ольгъ Новугороду и отьтуда въ Ладогу, друзии же съказаютъ, яко идущю ему за море, и уключу и змя въ ногу, и съ того умре“, „есть могила его Ладозѣ“¹⁾.

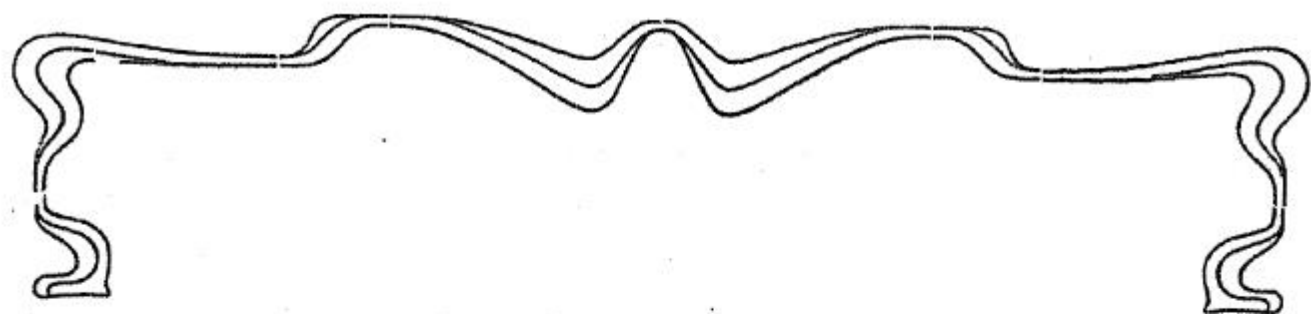
Нѣтъ, кажется, ничего фантастическаго и неестественнаго въ такой попыткѣ распутать странный узелъ противорѣчивыхъ и темныхъ, лѣтописныхъ сказаній объ Олегѣ и Игорѣ и ихъ взаимныхъ отношеній: это два разныхъ, только союзныхъ, князя *двухъ совершенно отдѣльныхъ княжествъ*,—предпріимчивый, воинственный Олегъ-Новгородско-Ладожскій князь—норманъ, „варягъ“, а Игорь—его младшій современникъ—князь Кіевской Руси, славянинъ, сравнительно мало предпріимчивый и неудачливый²⁾.

Владиміръ Пархоменко.

(Окончаніе будетъ).

1) См. прил. древнѣйш. лѣтописи у Шахматова; норманскій князь ушелъ, откуда пришелъ; договоръ имъ заключенъ былъ, конечно, прежде всего въ интересахъ союзной Руси,—при извѣстной компенсаціи,—а не далекихъ Норманскихъ земель и владѣній, еще лишь чуть начинавшихъ узнавать путь „изъ Варягъ въ Греки“.

2) Грушевскій пытается идеализировать Игоря, но не имѣетъ для этого прочныхъ данныхъ въ рукахъ—см. въ уп. 1 т. его исторіи на украинскомъ яз. стр. 398.

ХРИСТИАНСТВО РУСИ ДО ВЛАДИМИРА СВЯТОГО.

(Окончаніе) *).

Въ пользу того, что Олегъ—князь вполнѣ сѣверный, Норманско-Новгородскій, говорятъ: лѣтописное сказаніе,—иначе непонятное и трудно объяснимое,—объ уходѣ Олега въ концѣ жизни на сѣверъ, которое есть, повидимому, просто отголосокъ прежняго разсказа о возвращеніи Олега послѣ похода, мимо Кіева на Византію, въ свои владѣнія; ономастическое разсмотрѣніе Олегова договора съ греками, гдѣ приближенные и соратники Олега—всѣ почти Норманы по именамъ и при томъ исключительно язычники, что характерно именно для тогдашняго норманско-славянскаго сѣвера; наконецъ, въ русскихъ преданіяхъ и былинахъ Олегъ сближается съ древне-германскими сказаніями объ Ортнитѣ и Орварѣ-Оддѣ и имѣетъ несомнѣнную связь съ „Helgi“ Эдды, а былинный богатырь—Вольга или Волхъ, по всей видимости варьирующій лѣтописную личность Олега, надѣленъ именно чертами новгородскими и обставленъ въ былинѣ деталями, говорящими именно о Новгородской землѣ, какъ мѣстѣ составленія былины ¹⁾. При такомъ представленіи личности Олега понятна и вызывающая обычно недоумѣніе дань, наложенная имъ на Новгородцевъ въ пользу Варяговъ,—о чемъ вскользь говоритъ лѣтопись.

Послѣ Олега Новгородъ остается попрежнему городомъ, видимо, совершенно независимымъ отъ Кіева. Кіевскую Русь

*). См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 9 за 1912 годъ.

¹⁾ См. напр. въ „Курсѣ исторіи русской литературы“ В. А. Келтуяла, ч. 1, кн. 1, СПБ., 1906 г., стр. 405, 407, 410; ст. М. Г. Халанскаго въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1903 г. ноябрь и 1911 г. сентябрь—и др.

рѣзко отличаетъ отъ Новгородской—значительно позже—уже около половины X вѣка Константинъ Багрянородный въ сочиненіи „О народахъ“: Новгородцы у него—это „внѣшняя Русь“, имѣющая своего, особаго отъ Кіева, князя—„Святослава, брата Игоря, князя Руси“ Кіевской,—при чемъ, конечно, понятіе „братъ“ могло въ дѣйствительности замѣняться отношеніями между Игоремъ и Святославомъ и болѣе далекаго родства или свойства, которое могло существовать, какъ увидимъ, въ силу брака Игоря съ Ольгой ¹⁾). Въ дальнѣйшей исторіи замѣчается та-же обособленность Новгорода отъ Кіева.

Это существовавшее несомнѣнно и раньше и продолжающееся при Игорѣ обособленіе Новгорода отъ Кіева стояло въ связи съ общимъ характеромъ княжескаго управленія въ тогдашней Руси. Олеговъ договоръ говоритъ о „свѣтлыхъ князьяхъ“, которые были лишь „подъ рукою его“; такіе князья остаются и при Игорѣ, что видно изъ его договора. Съ другой стороны Игоревъ договоръ, перечисляя подвластные Игорю города, Новгорода вовсе не называетъ, хотя это былъ одинъ изъ крупнѣйшихъ городовъ русскихъ славянъ,—очевидно, потому, что Новгородъ не состоялъ подъ властію Игоря. Лѣтопись, стараясь представить русскую землю съ давнихъ поръ объединенной—подъ властію одной династіи Рюрика, въ одномъ мѣстѣ нечаянно вполне откровенно проговаривается, когда говоритъ о независимости и обособленности Полоцкаго княжества Рогволода въ концѣ X вѣка. Очевидно, удѣльная система на Руси возникла гораздо раньше Ярослава и Владиміра,—корни ея лежали въ давнемъ старинномъ устройствѣ Руси ²⁾). Издавна были болѣе или менѣе независимыя княжества, изъ среды которыхъ выдѣлялись лишь время отъ времени отдѣльные, болѣе крупные центры, господствовавшіе въ извѣстной степени надъ другими. Такихъ центровъ, какъ указывалось уже, слѣдуетъ

¹⁾ См. въ рус. пер. Г. Ласкина въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Др.“, 1899 г. кн 1, стр. 76; возможно и другое объясненіе—временный захватъ Новгорода и роднымъ братомъ Игоря—Святославомъ; во всякомъ случаѣ это не сынъ Игоря, что допустить совершенно противно лѣтописнымъ даннымъ о Святославѣ Игоревичѣ—его возрастъ и пр.

²⁾ См. напр. соображенія проф. С. А. Корфа въ ст. „Ж. М. Н. Пр.“, 1909 г. іюль, также Д. Щеглова въ ст. въ „Ж. М. Н. Пр.“ 1876 г., май.

допустить именно три: Кіевъ, Новгородъ и Тмутаракань. Въ летописи сохранились и нѣкоторыя имена этихъ, не признававшихъ Кіевского могущества, обособленныхъ князей: Свѣнелдъ, Малъ-Мистиша.

Эта обособленность Новгорода увлекала и послѣ князей его—св. Владиміра въ свое время и потомъ сына его Ярослава, не пожелавшаго,—очевидно, проникнувшись Новгородскимъ патриотизмомъ,—платить дани Кіеву, хотя тамъ сидѣлъ родной отецъ его.

Однако эта обособленность, разъ нарушенная союзомъ Олега съ Игоремъ, уже не носила чертъ полной отрѣшенности жизни Кіевской Руси и Новгородской земли. Связь, положенная союзомъ Олега и Игоря и содѣйствіемъ со стороны перваго въ борьбѣ послѣдняго съ Аскольдомъ, была, надо полагать, закрѣплена брачнымъ союзомъ представителей обѣихъ княжескихъ династій. Можно думать, что молодой князь Игорь женился на *ближайшей родственницѣ Олега*—Ольгѣ, самое имя которой несомнѣнно и краснорѣчиво говоритъ какъ о ея норманскомъ происхожденіи, такъ и о связи ея тѣснѣйшей съ Олегомъ ¹⁾. Преданіе о псковскомъ происхожденіи Ольги говоритъ въ пользу ея сѣвернаго вообще происхожденія и стоитъ въ соотвѣтствіи съ нашимъ предположеніемъ. Объ ея сѣверно-варяжскомъ происхожденіи говоритъ также ея несомнѣнное языческое состояніе, смѣнившееся переходомъ въ христіанство лишь въ старости,—затѣмъ ея мужественный, отважный, предприимчивый и рѣшительный характеръ, передавшійся отъ нея именно —и къ сыну Святославу, совершенно не похожему на отца. Предположеніе о болгарскомъ или тмутараканскомъ происхожденіи Ольги ²⁾ падаетъ уже по тому одному, что Болгарская или Тмутараканская княжна въ началѣ X-го вѣка была-бы, конечно, уже христіанкой, чего мы въ Ольгѣ въ

¹⁾ То и другое имя безусловно скандинавско-варяжскаго происхожденія, соотвѣтствуетъ именамъ сагъ, —сообразно съ чѣмъ и Константинъ Багрянородный называетъ нашу Ольгу „Елγα“; въ Эддѣ „Helgi“ норвежскій женится на „Helga“ датской.

²⁾ См. у арх. Леонида въ „Русск. Стар.“ 1888 г., іюнь, и „Кіев. Стар.“ 1889 г., октябрь; данныя о происхожденіи ея см. также у проф. И. И. Малышевскаго—„Кіев. Стар.“ 1889 г., іюль и августъ, у Шахматова въ упом. работѣ и др.

пору ея молодости допустить не имѣемъ никакого основанія; да и не естественно было-бы язычнику Игорю,--утвердившемуся на Кіевскомъ престолѣ при содѣйствіи, надо думать, языческой именно партіи, боровшейся противъ христіанской,—искать себѣ жену въ христіанскихъ или полухристіанскихъ странахъ.

Какъ Игорь, такъ и Ольга были несомнѣнными нетронуемыми язычниками. Тѣмъ не менѣе, появившееся въ Кіевѣ, —повидимому, въ эпоху Аскольда, въ концѣ IX—началѣ X вѣка ¹⁾,—христіанство послѣ Кіевской катастрофы, закончившейся гибелью Аскольда, должно было здѣсь нѣсколько остановиться въ своемъ распространеніи, но не замерло окончательно. Постоянныя торговыя и иныя связи Кіева съ христіанскими и полухристіанскими сосѣдями должны были содѣйствовать постепенному, хотя очень медленному, распространенію христіанства въ Кіевѣ. На существованіе христіанъ въ Кіевѣ въ концѣ княженія Игоря указываетъ договоръ его съ греками, заключенный въ 944 или 945 г. Однако расширять значеніе такого рода показанія Игорева договора,—какъ это дѣлаетъ Голубинскій, допуская въ данное время широкое распространеніе въ Кіевѣ и его правящихъ сферахъ христіанства,—значитъ противорѣчить несомнѣннымъ фактамъ послѣдующей эпохи. Христіанъ въ Кіевѣ имѣется мало и они здѣсь не играютъ видной политической роли не только въ 40-хъ, но и въ 60-хъ годахъ X вѣка. По договору, Русь съ княземъ и „всѣми болярами“ клянется по-язычески, а христіанскую клятву приносить, по всей видимости, часть изъ *посредниковъ* въ договорѣ, между которыми, надо полагать, немало было элемента *восточно-инородческаго*, оказывавшагося особенно удобнымъ въ торговыхъ сношеніяхъ вообще и съ Византіей въ частности; на послѣднее указываютъ и большинство именъ, упоминаемыхъ въ договорѣ пословъ Игоревыхъ—явно восточнаго происхожденія ²⁾. Наличие восточныхъ посредниковъ въ договорѣ особенно понятна въ виду неудачи Игоревыхъ походовъ.

¹⁾ Лѣтописная хронологія, послѣ изысканій Шахматова, не можетъ быть для насъ обязательна.

²⁾ См. соображенія въ новомъ трудѣ Г. М. Бараца „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей“, Кіевъ 1910 г., стр. 59 и слѣд., 256 и др.

Не можетъ быть оставлено безъ вниманія и замѣчаніе нашей лѣтописи по поводу наличности христіанъ среди Игоревой Руси, заключившей данный договоръ съ греками. Замѣчаніе это таково: „А хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынчѣ бесѣды и *Козартъ*: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша Варязи хрестеяны“. Какъ ни толковать это довольно темное мѣсто ¹⁾, общій смыслъ его въ общемъ ясенъ: христіанами со стороны Руси при заключеніи Игоремъ договора съ Греками были по преимуществу (если даже не исключительно) *иноземцы*—„Варяги“, подъ которыми отнюдь нельзя разумѣть *Нормановъ* ²⁾, а слѣдуетъ—вообще инородцевъ и прежде всего *Хозаръ*, которые здѣсь упомянуты, конечно, неспроста,—а къ тому же они были и ближайшими сосѣдями Кіевской Руси, и большими торговыми дѣятелями и посредниками, и много было также среди нихъ христіанъ. Между тѣмъ говорить о множествѣ христіанъ—*Нормановъ* въ Кіевѣ было-бы странно, во-первыхъ, потому, что въ самой Скандинавіи христіанство болѣе или менѣе прочно утверждается лишь въ XI вѣкѣ, во-вторыхъ, неестественно и неосновательно допускать, чтобы почему-то толпы *Нормановъ* подолгу проживали въ это время въ Константинополѣ, массаи тамъ крестились и въ большемъ количествѣ переселялись-бы оттуда въ Кіевъ.

Послѣдовательный выводъ норманиста, видящаго тутъ подъ варягами *нормановъ*, господствовавшихъ въ Кіевѣ, сдѣлалъ изъ даннаго лѣтописнаго сообщенія и Игорева договора Е. Е. Голубинскій, высказавшій, что христіанство въ данный моментъ было уже главной религіей господствовавшей теперь въ Кіевѣ *норманской дружины*; но этотъ прямолинейно послѣдовательный выводъ ужъ явно несостоятеленъ, такъ какъ не умѣетъ объяснить, почему-же все-таки

¹⁾ Г. М. Варацъ мѣсто это интерпретируетъ такъ: „А христіанскую Русь приводили они къ присягѣ въ церкви Св. Ильи, которая стоитъ надъ ручаемъ Пачайнею,—въ соборной церкви: это была православная церковь, такъ какъ многіе *варяги-хозаре* были христіанами“—см. въ уп. тр. его, стр. 250.

²⁾ Какъ видно изъ уп. ст. Тиандера—„Ж. М. Н. Пр.“ 1910 года, іюнь, и др., *Норманы* въ это время еще едва-ли знали „путь изъ варягъ въ греки“, а вели торговлю съ Востокомъ чрезъ Волгу по преимуществу,—см. также въ ук. выше польской работѣ Шелѣнговскаго.

не крестился самъ Игорьъ, почему встрѣтила себѣ такое противодѣйствіе въ Кіевѣ христіанка Ольга, почему Святославова дружина была оплотомъ язычества и т. п.

Игоревъ договоръ интересенъ и еще въ одномъ отношеніи—именно онъ указываетъ на связи Игоря и Кіева съ Тмутараканской Русью,—связи настолько прочныя, что Игорьъ по договору обязывался ставить препятствія Чернымъ Болгарамъ, сосѣдямъ Тмутараканской Руси (но никакъ не Кіевской), въ ихъ движеніи къ странѣ Корсунской ¹⁾. Тутъ видна зависимость Тмутаракани отъ Кіева, зависимость, по всей видимости, явившаяся результатомъ разгрома военной силы Тмутараканской Руси, происшедшаго во время упоминавшагося уже, извѣстнаго изъ арабскихъ источниковъ, похода Черноморской Руси на Прикаспійскій край въ 913—914 г.г. А эта зависимость Тмутаракани отъ Кіева, стоявшая также въ связи съ давними связями этихъ двухъ центровъ русско-славянскаго племени, была однимъ изъ проводниковъ постепеннаго распространенія христіанства въ Кіевѣ.

Только о медленномъ, въ общемъ довольно слабомъ распространеніи христіанства въ Кіевѣ и можно говорить относительно половины X вѣка. Какъ Игорьъ, такъ и жена его Ольга, долгое время оставалась язычницей, и таковой, между прочимъ, вполне и очень рельефно обрисовывается лѣтописью въ пору, наступившую за новой катастрофой на Кіевскомъ престолѣ—гибелью Игоря.

Фактъ гибели Игоря въ Древлянской землѣ принадлежитъ къ числу фактовъ, лѣтописью очерченныхъ темно и нѣсколько сбивчиво. Несомнѣнно тутъ какую-то роль играетъ Свѣнелдъ, который лѣтописнымъ сводчикомъ весьма неудачно произведенъ въ простые воеводы Игоревы. По лѣтописи, Свѣнелдъ ужь очень долго воеводствуетъ—и при Игорѣ, и при Святославѣ, и при его сыновьяхъ; съ другой

¹⁾ См. напримѣръ соображенія и данныя въ статьѣ Н. П. Ламбина „О Тмутараканской Руси“ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1874 г. январь; данныя, говорящія о существованіи Руси Тмутараканской въ концѣ IX столѣтія авторъ, находясь подъ вліяніемъ норманской теоріи, стремится совершенно бездоказательно объяснить такимъ образомъ, что основаніе ей, стало быть, положилъ Олегъ; но мы уже видѣли, что эта Русь была тутъ гораздо раньше Олега и, конечно, независимо отъ него.

стороны не вяжется съ положеніемъ простаго воеводы и воспитателя княжескаго то обстоятельство,—очевидно, случайно уцѣлѣвшее изъ болѣе древняго источника,—что Свѣнелдъ имѣеть свою особую дружину, свои дани, при чемъ его дружинѣ и данямъ завидуеть дружина самого Игоря. Позволительно высказать предположеніе: не есть-ли въ данномъ случаѣ предъ нами попытка сводчика лѣтописи сгладить, съ опредѣленной, извѣстной уже намъ, тенденціей, слѣды болѣе давняго, первоначальнаго сказанія о *Новгородскомъ князѣ Свѣнелдѣ*, съ которымъ у Игоря вышло столкновеніе въ землѣ Древлянской? Не есть-ли Малъ или Мискина или Мистиша ¹⁾, князь Древлянскій,—сынъ Свѣнелда?

Возможно допустить, что Игорь и его преемники вели упорную, длительную борьбу съ преемниками Олега Новгородскаго—Свѣнелдомъ и его сыновьями—Мистишей и Лютомъ. Борьба эта вызывалась стремленіемъ объединить въ однѣхъ рукахъ и использовать—„путь изъ варягъ въ греки“, путь, до 60 годовъ, видимо, еще не вполне пригодный для широкой торговли и потому, какъ мы видѣли, остававшійся почти невѣдомымъ въ это время Скандинавамъ ²⁾. Лишь конецъ данной борьбы при Святославѣ вполне открылъ этотъ знаменитый путь для міровой торговли. Черты этой борьбы въ видѣ отдѣльныхъ штриховъ сохранились въ лѣтописи. Что-же касается земли Древлянской, то она могла служить лишь ареной борьбы, тѣмъ кускомъ, изъ-за обладанія которымъ у Кіева съ Новгородомъ происходили, между прочимъ, столкновенія въ X столѣтіи. При томъ-же съ другой стороны слѣдуетъ имѣть въ виду, что и Коростень, и земля Деревская встрѣчаются въ данную приблизительно эпоху и близъ Новгорода ³⁾.

¹⁾ Много соображеній, хотя и не доведенныхъ до конца, но весьма цѣнныхъ для уясненія даннаго вопроса, приводитъ А. А. Шахматовъ въ упомянутомъ трудѣ своемъ, главнымъ образомъ въ главѣ 14-й.

²⁾ См. археологическо-нумизматическія данныя въ упомянутой выше статьѣ Тиандера въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1910 г., также соображенія Шелѣнговскаго, Грушевскаго и друг.

³⁾ См. данныя, приведенныя Шахматовымъ въ той-же упоминавшейся работѣ, стр. 172.

Послѣ гибели Игоря въ столкновении съ Древлянами или—скорѣе—съ Новгородомъ (Свѣнелдомъ и Мистишей-Маломъ) Ольга, не безъ борьбы съ тѣми-же врагами, упрочилась на Кіевскомъ столѣ. Борьба съ языческимъ Новгородомъ, постепенно растущее въ Кіевѣ христіанство, умъ, проицательность и талантливость княгини Ольги—вотъ данныя, которыя, благопріятно скомбинировавшись, привлекли Ольгу къ христіанству. Познакомившись съ христіанствомъ, Ольга заинтересовалась имъ, уловила суть его и культурное значеніе и рѣшила перемѣну религіи соединить съ культурными и политическими пріобрѣтеніями для своей земли. Энергичная, умная, талантливая норманка—Ольга, раньше тратившая свои дарованія на ловкость и изворотливость въ борьбѣ со своими политическими врагами, подъ старость, когда выросъ сынъ, предпринимаетъ большое дѣло—перемѣну вѣры, въ чемъ находитъ свое удовлетвореніе и религіозные запросы успокаивающейся отъ житейской суеты старости, и желаніе грандіознаго завершенія своего удачнаго правленія введеніемъ Руси въ семью культурныхъ народовъ на положеніи болѣе или менѣе полноправнаго ея члена.

Съ обычнымъ торговымъ караваномъ Руси ¹⁾ Ольга ѣдетъ лѣтомъ 957 года въ Византію, добивается тамъ императорскаго пріема, ведетъ политическіе переговоры, но, видимо, безъ особаго успѣха и потому не принимаетъ тамъ крещенія,—что замѣтно и изъ показаній Константина Багрянороднаго, принимавшаго ее въ своемъ дворцѣ ²⁾, и изъ нашей лѣтописи, въ которой сведчикъ забылъ или не сумѣлъ выпустить словъ явнаго неудовольствія и раздраженія, сказанныхъ Ольгою—по возвращеніи ея изъ Византіи—императорскимъ посламъ. Неудача на Босфорѣ не останавливаетъ однако сильную духомъ старуху-княгиню, она вступаетъ въ сношенія съ далекимъ Западомъ, желая—хотя бы чрезъ посредство Оттона нѣмецкаго и, конечно, папы—быть принятой въ число европейскихъ полноправныхъ христіанскихъ правителей. Но далекій, уже утратившій свое

¹⁾ Допустить это вполне естественно, не входя въ противорѣчіе съ извѣстными данными, и согласно съ тогдашней ролью князя.

²⁾ См. его сочиненіе „*Εξάρις τῆς βασιλείου τάξεως*“,—мы пользовались изд. Рейскія и Лейхія, Лейпцигъ, 1751—54 г., также „*Περὶ ἐθνῶν*“—перев. Г. Ласкина—„Чт. Общ. Ист. и Др.“ 1899 г., кн. 1.

былое значеніе, Римъ не такъ привлекателенъ для русской княгини, какъ близкая Византія, гдѣ сидитъ настоящій римскій императоръ,—Византія, куда такъ неодолимо влекли торговые интересы и мечты предыдущихъ, да и послѣдующихъ русскихъ князей. При первомъ удобномъ случаѣ Ольга, полагаемъ, снова завязываетъ сношенія съ Византіей, снова ѣдетъ туда и, по свидѣтельству западнаго современника-продолжателя хроники аббата Регинона, при Константинопольскомъ императорѣ *Романѣ II* (959—963 г.г.) въ Константинополѣ крестится,—по всей видимости, около 960 года, —вѣроятно, съ той помпой, о которой рассказываетъ наша лѣтопись, соединившая, видно, воедино два путешествія Ольги,—т. е. съ участіемъ патріарха и при воспріемничествѣ императора ¹⁾.

Возвратившись изъ Византіи домой, Ольга не смогла осуществить своего желанія относительно христіанизации Кіева: ей не удалось крестить своего взрослого сына, характеръ котораго уже опредѣлился вполне къ этому времени; въ верхнемъ слоѣ Кіевского общества—въ дружинѣ она встрѣтила рѣзкое проявленіе симпатій къ язычеству, почему оказалось невозможнымъ и учрежденіе въ Кіевѣ епископіи. Правда, въ 961—962 г.г. въ Кіевѣ явился съ Запада, еще не отдѣлившася тогда вполне отъ церковнаго союза съ Востокомъ, епископъ Адальбертъ, но миссія его оказалась неудачной: противъ него была—недавно заключенная Ольгой церковная или—точнѣе—церковно-политическая связь съ Византіей, были, конечно, и весьма немногіе наличные Кіевскіе священники, поставленные изъ Византіи ²⁾, былъ и Святославъ, было и мѣстное общество, и самая немногочи-

1) Хроникѣ продолжателя Регинона довѣряемъ въ виду ея современности событію, соотвѣтствію показаніямъ Константина Багрянороднаго, тоже современника, и доказанной наличности позднѣйшихъ наслоеній и измѣненій въ нашемъ источникѣ—лѣтописи. Ей вполне довѣряютъ: академикъ В. Г. Васильевскій (см. „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1888 г., июль, стр. 128); проф. Ф. Я. Фортинскій. (См. „Чтенія въ Обществѣ Нестора Лѣтописца“, книга 2-я, стр. 118—121); А. Д. Вороновъ (книга 1-я тѣхъ же „Чтеній“, стр. 4—8) и др. О крещеніи же Ольги въ Константинополѣ говорятъ согласно всѣ древніе памятники.

2) Въ силу извѣстнаго антагонизма греческаго и римскаго духовенства, рѣзко проявлявшагося еще съ IX вѣка.

сленность христіанской общины въ Кіевѣ. Онъ ушелъ ни съ чѣмъ, и первая попытка учредить въ Кіевской Руси епископію не удалась, какъ не удалась и вообще эта вторичная ¹⁾ попытка утвердить въ Кіевѣ христіанство. Близкое родство Ольги и Святослава, умъ и осторожность Ольги— не дали этому столкновенію христіанства съ язычествомъ въ Кіевѣ закончиться такой кровавой катастрофой, какой закончилось полустолѣтіемъ раньше предпріятіе Аскольда. Примирившись съ неуспѣхомъ своего дѣла, Ольга для удовлетворенія своихъ религіозныхъ нуждъ имѣла у себя не епископа, а лишь пресвитера, и то чуть-ли не тайно ²⁾,—въ смыслѣ, конечно, *домашняго, неоффиціальнаго* еще совершенія въ Кіевѣ богослуженія. Можно думать, что и вообще въ пору Святослава, какъ и Игоря, если и были въ Кіевѣ церкви, то домовыя или домашнія, и само христіанское богослуженіе, хотя и не преслѣдовалось, тѣмъ не менѣе и совершалось не вполне открыто—безъ обычной торжественности ³⁾.

Въ правленіе Святослава въ Кіевской Руси продолжался, начавшійся еще при Аскольдѣ, процессъ борьбы между медленно совершавшимъ свои завоеванія христіанствомъ и все еще сильнымъ и популярнымъ въ народѣ язычествомъ. Самъ настоящій язычникъ, Святославъ, неожиданно для самого себя, сдѣлалъ для успѣховъ на Руси христіанства *едва ли—не больше своей матери*. Унаслѣдовалъ отъ Ольги именно,—а никакъ не отъ Игоря,—характеръ предпримчиваго, воинственнаго нормана, Святославъ велъ постоянныя войны, которыя должны были сыграть свою важную роль въ дѣлѣ ознакомленія русской дружины съ христіанствомъ. Походъ на Хозарь и кавказскихъ Ясовъ и Касоговъ укрѣпилъ

¹⁾ Первая была при Аскольдѣ.

²⁾ Слово „тайно“ имѣется въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ при разсказѣ о погребеніи Ольги ея пресвитеромъ, состоявшимъ при ней будто-бы „тайно“.

³⁾ Подробнѣе о крещеніи святой княгини Ольги см. въ нашихъ статьяхъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ 1911 года, №№ 10 и 19 и 1912 года № 1-й, а также въ особой книжкѣ нашей „Древне-русская княгиня св. равноапостольн. Ольга“, Кіевъ, 1911 года; кромѣ того, см. статью профессора И. П. Козловскаго „Новая попытка рѣшенія вопроса о мѣстѣ и времени крещенія Ольги“ въ февральской книжкѣ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“ 1912 года и отд. отт. Варшава, 1911 г.

за Кіевомъ давно уже болѣе или менѣе христіанизированную Тмутаракань и притомъ протекалъ въ странахъ со значительнымъ христіанскимъ населеніемъ. Походъ въ Дунайскую Болгарію и пребываніе тамъ сопровождалось новымъ общеніемъ Святославовай дружины съ христіанами, обладавшими, къ тому-же, славянскимъ богослуженіемъ и славянско христіанской письменностью. Эти походы должны были развить русскую дружину и немалое количество ея расположить въ сторону христіанства, сразу-же начавшаго привлекать отрѣшившихся отъ обычной домашней обстановки русскихъ славянъ—хотя бы одною уже развитостью своего богослужебнаго культа.

Укрѣпивъ за Кіевомъ Тмутаракань, Святославъ, надо думать, подчинилъ, наконецъ, себѣ и другой центръ русскаго славянства—Новгородъ. Приглашеніе Новгородомъ себѣ въ князья сына Святослава, утвержденіе двухъ его сыновей—одного въ землѣ Древлянской, а другого—въ Новгородѣ, убіеніе Олегомъ Святославичемъ Люта Свѣнелдича, связи съ Святославомъ и его семействомъ двухъ дѣтей Мистишиныхъ—Малуши и Добрыни,—все это располагаетъ видѣть въ отрывочныхъ лѣтописныхъ данныхъ слѣды испорченнаго лѣтописнымъ сведчикомъ болѣе древняго сказанія о подчиненіи при Святославѣ Новгорода.

Допускаемъ такого рода возможность. Представители новгородской династіи—Мистиша и Лютъ Свѣнелдичи, а можетъ быть, и самъ Свѣнелдъ съ ними—погибли въ борьбѣ съ Святославомъ и его сыновьями,—борьбѣ, полученной послѣднимъ въ наслѣдство отъ отца и матери. Дочь Мистиши-Малуша или Малфрѣдъ ¹⁾—Святославъ взялъ себѣ въ одну изъ женъ или наложницу и прижилъ себѣ отъ нея сына Владиміра. Что касается до Добрыни, брата Малуши и сына Мистиши ²⁾, то несомнѣнная связь его съ Новгородомъ очевидна: онъ, по лѣтописи, даетъ совѣтъ Новгородцамъ объ избраніи себѣ князя, онъ-же затѣмъ и руководитъ Новгородскимъ княземъ Владиміромъ. Видимо, одолѣвъ Новгородцевъ, Святославъ не видѣлъ возможности иначе подчинить ихъ себѣ какъ съ сохраненіемъ значительной доли

1) Догадка Шахматова.

2) См. у Шахматова соображенія въ главѣ 14-й въ упомянутой работѣ его „Разысканія“...

ихъ самостоятельности, съ сохраненіемъ чертъ прежняго особнаго существованія Новгородской волости—откуда, затѣмъ и идетъ преданіе, послужившее основаніемъ послѣдующей Новгородской вольности.

Если Малуша или Малфрѣдъ была дѣйствительно Новгородской княжной, то Владиміръ въ Новгородъ попалъ, видимо, по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ нѣсколько позже Полоцкое княжество осталось при Владимірѣ за потомствомъ Рогнѣды.

Какъ бы то ни было, объ этой побѣдѣ надъ Новгородомъ, о сломленіи Новгородской независимости именно Святославомъ довольно прозрачно намекаетъ лѣтопись, говоря о Святославѣ: „И посадники своя посади *Новгородъ*. И бѣ владѣя *единъ* въ Руси“.

Новая связь Кіевской династіи съ Новгородской, уже развѣнчанной, сопровождалась, какъ и раньше, поддержкой съ Новгородской стороны языческой партіи въ Кіевѣ. Лѣтописецъ прямо говоритъ объ яркомъ *языческомъ направленіи Добрыни*, увлекшаго, очевидно, въ свою сторону и Владиміра. Это язычество въ далекомъ отъ южнаго христіанства Новгородѣ поддерживалось и упорнымъ язычествомъ до XI вѣка имѣвшихъ здѣсь значеніе Нормановъ. Тѣми же языческими симпатіями проникнута, очевидно, была и сестра Добрыни—Малуша, и этимъ, должно быть, прежде всего (въ связи также съ воспоминаніями о гибели мужа—Игоря въ борьбѣ съ отцомъ Малуши) объясняется *нелюбовь Ольги къ Малушѣ*; Ольга, по лѣтописямъ—Никоновской и Архангелогородской, отослала Малушу изъ Кіева въ „весь Будутинъ“, будучи по ея адресу „въ гнѣвѣ“,—при чемъ это обстоятельство, по всей видимости, произошло уже въ пору христіанскаго состоянія Ольги. Нелюбовь Ольги—христіанки къ матери Владиміровой и несомнѣнныя сильныя языческія симпатіи ея брата Добрыни, равно какъ и принимаемое нами новгородское происхожденіе ея—говорятъ противъ предположенія А. А. Шахматова, будто „мать Владиміра была христіанкой“¹⁾.

Христіанство Ольги и походы Святослава сдѣлали свое дѣло: Кіевъ и русская дружина понемногу начинаютъ хри-

¹⁾ См. въ упом. трудѣ его, стр. 377.

стіанізоваться. Отъ Ольги, вѣроятно, не осталось безъ христіанскаго вліянія два сына Святославовы—Ярополкъ и Олегъ. Особенно оно должно было сказаться на старшемъ Ярополкѣ, относительно котораго можно думать, что это былъ князь мягкій и благодушный¹⁾. Къ тому-же у Ярополка была жена изъ греческихъ монахинь, а благотворное вліяніе христіанокъ—женъ на мужей—князей языческихъ извѣстно изъ цѣлаго ряда историческихъ фактовъ.

Имѣя въ виду это, мы должны отнестись со вниманіемъ къ лѣтописному сказанію о томъ, что въ концѣ княженія Ярополка къ нему приходили „послы изъ Рима отъ папы“. Не былъ-ли Ярополкъ *христіаниномъ* и не вступилъ-ли онъ въ связь съ западною Римскою церковью? Допустить это весьма возможно въ силу существовавшихъ уже раньше торговыхъ и иныхъ связей Руси съ Западомъ²⁾, въ виду примѣра обращенія Ольги на Западъ за епископомъ и священниками, въ виду, наконецъ, постоянныхъ войнъ съ Византіей и естественнаго неудовольствія на послѣднюю послѣ неудачнаго мира съ ней Святослава. Если сказаніе о крещеніи Ярополка римскими миссіонерами въ древнѣйшей лѣтописной записи и существовало, то нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, если оно потомъ *подъ византійскимъ вліяніемъ* было изъ лѣтописи удалено.

На то, что смерть Ярополка и утвержденіе въ Кіевѣ Владиміра могутъ нѣсколько напоминать Кіевскую катастрофу убіенія Аскольда Игоремъ, т. е. что въ это время могла идти также *борьба партій*—снова—*Кіевской христіанской и языческой Новгородской*,—намекъ на это даетъ лѣтопись, говоря, что, утвердившись послѣ смерти Ярополка въ Кіевѣ, Владиміръ приступилъ къ укрѣпленію здѣсь язычества и поставленію идоловъ,—что, очевидно, вызвано было предыдущимъ упадкомъ здѣсь язычества. Самая неудача въ борьбѣ съ Владиміромъ и гибель Ярополка, судя по лѣтописнымъ намекамъ, обуславливалась его непопулярностью въ Кіевѣ, вѣроятно, среди языческой именно, господствовавшей

¹⁾ См. выводъ, сдѣланный изъ лѣтописныхъ данныхъ проф. В. Г. Ляскоронскимъ въ ст. „О мѣстоположеніи лѣтописнаго города Родни“—изъ „Ж. М. Н. П.“ 1904 г. отд. отт.

²⁾ О нихъ см. напр. въ упом. работѣ Шелѣнговскаго, въ ст. В. Г. Васильевскаго—„Ж. М. Н. Пр.“ 1888 г. іюль, у Грушевскаго—и др.

еще здѣсь партіи, и интригами язычниковъ—Кіевлянъ,—Іоакимовская лѣтопись въ данномъ случаѣ договариваетъ то, что неясно въ другихъ.

Въ связи съ этимъ можно находить долю истины и въ сказаніяхъ западныхъ писателей—Петра Даміани, около 1040 г. написавшаго житіе св. Ромуальда, и интерполятора хроники (половины XII вѣка) Адемаровой, —говорящихъ о первоначальномъ крещеніи Руси латинскими миссіонерами. За выключеніемъ сильнаго легендарнаго элемента, котораго исполнены эти сказанія, у перваго изъ нихъ довольно правдоподобно передается основа историческихъ событій временъ Ярополка: убіеніе тогдашнимъ „королемъ“ Руси, принявшимъ латинскаго миссіонера, своего брата,—очевидно, Олега,—и наличность у него еще другого брата,—конечно, Владиміра, котораго не трудно узнать въ словахъ сказанія о томъ, что онъ „жилъ отдѣльно отъ короля“ и „не хотѣлъ слушать словъ“ латинскаго миссіонера—прежде всего, конечно, въ силу своей извѣстной преданности язычеству. Такимъ образомъ основа западнаго сказанія весьма правдоподобна; косвенно подтверждаетъ ее—разсказъ „Annales Altahenses majores“ о приходѣ на Западъ—именно въ Кведлинбургъ, резиденцію императора Оттона, пословъ Ярополка въ 973 г. ¹⁾.

Допустивъ, какъ возможность, крещеніе Ярополка западными миссіонерами, мы этимъ нисколько не колеблемъ факта полученія Русью христіанской религіи отъ Восточно-Греческой церкви. Рѣшительное, массовое крещеніе Руси совершено было, конечно, восточными миссіонерами при Владимірѣ, равно какъ и первыя сѣмена христіанства на Руси—при Аскольдѣ и Ольгѣ—заимствованы съ Востока. Если папство, еще не порвавшее въ X вѣкѣ окончательно съ Востокомъ, и имѣло, быть можетъ, при Ярополкѣ кратковременный успѣхъ въ Кіевѣ, то, конечно, лишь временный и случайный,—при томъ небольшой количественно.

Побѣдивъ Ярополка и погубивъ его, Владиміръ праздновалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по даннымъ лѣтописи, торже-

1) См., между прочимъ, въ „Исторіи“ Е. Е. Голубинскаго, а также въ ст. А. Д. Воронова „О латинскихъ проповѣдникахъ на Руси Кіевской въ X и XI вѣкахъ“ въ I кн. „Чтеній въ Истор. Общ. Нестора Лѣт.“ и Ф. Я. Фортинскаго во 2 кн. тѣхъ-же „Чтеній“—ст. „Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ“ и др.

ство язычества надъ христіанствомъ: недаромъ лѣтопись начало его княженія въ Кіевѣ связываетъ съ поставленіемъ цѣлаго ряда идоловъ. Это обстоятельство, конечно, проще объяснить не тѣмъ что до Владиміра Кіевъ,—болѣе столѣтія состоявшій княжеской столицей и крупнымъ торговымъ центромъ,—не имѣлъ еще идоловъ, не додумался до нихъ и не могъ ихъ устроить, а скорѣе—именно въ смыслѣ возстановленія язычества, предъ тѣмъ пограннаго Ярополкомъ).

Но тому-же Владиміру, послѣ ряда походовъ на Востокъ и Западъ, суждено было скоро разочароваться въ язычествѣ, увидѣть возрастающую склонность къ христіанству своей дружины и явиться утвердителемъ христіанства въ Кіевѣ и сокрушителемъ оплота язычества въ Новгородѣ. Походы и общеніе во время нихъ и въ Кіевѣ съ христіанами, сношенія съ христіанской, культурной, просвѣщенной Византіей—отвратили князя отъ язычества—къ христіанству: дружина, еще недавно составлявшая оппозицію христіанской пропагандѣ Ольги, за послѣднія два десятилѣтія такъ измѣнилась, что въ самомъ фактѣ крещенія Ольги увидѣла уже проявленіе ея мудрости: „Аще бы лихъ законъ грѣчскыи, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши вьсѣхъ человѣкъ“ говорила она Владиміру. Варяжско-норманская дружина, выведенная имъ изъ Новгорода и столь любезная сердцу Владимірову, въ Кіевѣ,—болѣе культурномъ центрѣ,—оказалась элементомъ антигосударственнымъ, а самый Новгородъ, какъ центръ язычества, враждебный христіанизирующемуся Кіеву, пришлось „крестить огнемъ и мечемъ“, и это „крещеніе“ оказалось самымъ прочнымъ—сравнительно съ предыдущими случаями—покореніемъ Новгорода Кіевской династіи. Такъ Кіевъ побѣдилъ Новгородъ при помощи того самаго христіанства, которое нѣсколько разъ сокрушалось раньше въ Кіевѣ при содѣйствіи языческаго Новгорода.

Владиміръ Пархоменко.

1) Можетъ быть, въ связи съ этимъ Кіевскимъ переворотомъ стоялъ и послѣдовавшій вскорѣ (по лѣтописи—въ 981 г.) походъ Владиміра на Ляховъ,—между тѣмъ какъ совмѣстное присутствіе на Кведлинбургскомъ сеймѣ 973 г. польскаго князя Мѣшка и пословъ Ярополка,—при преданности перваго Германскому императору,—можно принимать за союзъ между собою этихъ сосѣднихъ славянскихъ князей, отразившійся, вѣроятно, и на принятіи Ярополкомъ христіанства, и вообще на связяхъ его съ Западомъ.